

Т. И. Сурикова
Москва, Россия

ЗА ЧТО ТЕРМИН ПРИЗНАН ЛУКАВЫМ?

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы функции прежде всего политико-экономической терминологии в СМИ как вербального средства реализации интенций коммуникантов в текстовой и дискурсивной оппозиции «народ — власть». Эта лексика создает нужную картину мира, чаще всего выгодную коммуникатору, но семиотически искажает действительность, за что и получает метаязыковую оценку «лукавый термин». В зону подобного оценивания попадают и термины других предметных областей, если оказываются вовлечены в названную оппозицию.

Как результат сознательного языкотворчества, общественная терминология отражает не только и не столько действительность, сколько взгляд терминотворца на предмет. Она не лишена субъективизма, коммуникативно и исторически обусловлена и заряжена интенциями создателей.

Выделяются универсальные целеустановки, реализующие принцип вежливости в коммуникации, и характерные оппозиции «народ — власть». Последние, в свою очередь, могут реализоваться обоими субъектами оппозиции, таково извлечение выгоды. Но при этом могут различаться приемы ее терминологического извлечения. Скажем, власть использует умолчание по принципу «нет термина — нет проблемы», народ в лице его отдельных представителей находит номинативные дыры в законе.

Вторая группа интенций реализуется одной из сторон оппозиции, чаще это действия власти по отношению к народу. Таковы расширение зоны юридически/этически санкционированного в пределах существующей системы ценностей, отмежевание от старой и создание новой системы ценностей, легитимизация в глазах народа и международного сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; средства массовой информации; СМИ; язык СМИ; медиадискурс; медиатексты; терминология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сурикова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова; 103009, Россия, Москва, Моховая, д. 9, ауд. 204; e-mail: surikova_t@mail.ru.

В дискурсе СМИ политическая и экономическая терминология часто оценивается как лукавая, хотя в прямом назначении это концептуальное ядро, лексикон мировоззрения [Дешериев 1984; Зекрист 2012; Блакар 1987; Купина 1995; Леонтьев 1983; Солганик 1981; Эпштейн 1991]. В политической лингвистике эту лексику анализируют как систему идеологем и мифологем [Вепрева, Шадрина 2006; Клушина 2014; Малышева 2009]. Но это еще и способ семиотического ретуширования действительности вплоть до полного расхождения с реальностью за счет замалчивания, размывания предмета, ухода от темы, выпячивания, изменения модуса [Левин 1974; Левин 1998]. Она исследовалась как инструмент манипулирования сознанием и поведением аудитории [Бессарабова 2015; Гронская 2003; Гронская 2009; Доценко 1997; Кара-Мурза 2005; Маслова 2008; Сурикова 2012 и др.].

Исследованы размывание, подмена понятий, жонглирование непонятной терминологией, создающее иллюзию компетентности коммуникатора, эвфемизация/дисфемизация номинаций, которая рассматривается как средство оправдания себя и союзника: умеренная оппозиция (США о террористических организациях ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» (запрещены в РФ. — ред.)), Министество обороны, отрицательный экономический рост (падение ВВП), легитимизация капиталов (незаконных), оптимизация (сокращение бюджета, штатов и под.), государственные деньги (вместо деньги налогоплательщиков), операция по при-

нуждению к миру (о военном подавлении агрессии, но без необходимого мандата ООН); гуманитарная операция (бомбардировки) США в Югославии, Афганистане, Сирии, Ливии — и обвинения противника: агрессия России против Грузии / Украины / Сирии (с точки зрения Запада), оккупированная территория (Крым), антитеррористическая операция (Киев о гражданской войне на Донбассе). Явление это интернациональное [Кейлз 2009] и часто рассматривается как современный политический новояз [Дементьев 2010], составная часть лингвистики лжи [Блакар 1987; Болинджер 1987; Вайнрих 1987; Гусейнов 1989; Купина 1995; Левин 1974; Левин 1998 и др.].

Считается, что в дискурсе СМИ терминология детерминируется [Валгина 2003]. Однако в данном случае только в том смысле, что она в СМИ меняет профессиональную сферу на массовую, номинативную функцию — на оценочную, расширяет возможности управления массовой аудиторией, но только до тех пор, пока воспринимается как объективное отражение действительности, т. е. термин. В массмедиа термин становится идеологемой [Клушина 2014; Малышева 2009] — вербальным знаком идеологической ценности/антиценности.

С одной стороны, СМИ выступают как ретранслятор языка власти, когда тиражируют ее идеологию и точку зрения ее же языком. С другой — предстают и в качестве ее комментатора, когда оценивают ее с позиций аудитории [Шейгал 2004: 59—61], в частности, когда при распознавании манипу-

ляции упомянутая лексика квалифицируется как лукавая.

Так оцениваются номинации политического строя, субъектов политической деятельности, общественно-политических принципов, состояний общества и экономики, юридических действий, а также медицинская терминология, употребляемая в прямом, не метафорическом значении в том случае, если вовлекается в формирование дискурсной оппозиции «народ — власть».

Анализ терминов (vs идеологем) в оппозиции «народ — власть» показал, что их возможности и интенции коммуникатора не ограничиваются упомянутыми явлениями. Выделяются **универсальные интенции терминотворчества**, действующие как в направлении «власть → народ», так и «народ → власть».

Первая из них — соблюдение максимы вежливости по отношению к прямому и косвенному адресату. Политический дискурс — частный случай этикетной эвфемизации. Так, депутаты Госдумы решили заменить термин *пенсия по старости* на *пенсия по возрасту*, чтобы не обижать женщин старше 55 лет. Выражение *человек с ограниченными возможностями* заменило собой термин *инвалид*, чтобы не травмировать последних. Первый вице-премьер И. Шувалов предложил отказаться от термина *эконом-жилье*, вернувшись к прежнему *доступное жилье*, чтобы не оскорблять большинство российского населения напоминанием о финансовом неравенстве.

Вторая — извлечение выгоды семиотическим путем, т. е. выбором номинации. Так, более 300 лет, вплоть до революции в 1917 г., в России существовали традиции винокурения. Почти в каждом поместье были винокурни, семейные рецепты изготовления спиртного. Назывались эти напитки *водка*. Упоминание этих традиций есть в литературе, например у Н. В. Гоголя в «Старосветских помещиках» и у М. А. Булгакова в «Собачьем сердце». После революции с целью монополизации сверхприбыли государство ограничило объем термина *водка* напитком, *изготовленным на государственных предприятиях*. А все остальное стало *самогонным спиртом, самогонной водкой*, а потом — *самогоном*, что тоже отражено и в художественной литературе. См. у С. Есенина: *Ах, сегодня так весело россам, / Самогонного спирта — река. / Гармонист с провалившимся носом / Им про Волгу поет и про Чека* [Есенин 1924]. В 1990-х гг. высшие российские чиновники для индексации социальных выплат и зарплат в госсекторе использовали термин *инфляция*, а для себя — тер-

мин *индекс потребительских цен*. Зачем? Ведь этот индекс — частный случай инфляции. Он выше, так как потребительские цены растут быстрее остальных, так что и индексация тоже [Велехов 2004]. В наше время в Белоруссии замена термина *тара* на *упаковку* (у терминологии синонимии быть не должно, но она есть и, как видим, творчески используется) позволило увеличить количество обязанных организаций, подпадающих под действие указа № 313 об обращении с бытовыми отходами [Новости [http](http://)].

Народ (точнее, отдельные его представители или организации, часто не без помощи чиновников) тоже использует терминологию для извлечения выгоды. Решается эта задача актуализацией номена из ряда существующих или изобретением нового для обозначения старого смысла. Так, перед Новым годом (2017 г.), чтобы не раздражать общество запредельно дорогими праздничными вечерами во время кризиса, «некоторые корпорации (государственные. — Т. С.) пошли на хитрость и заменяют *корпоративы конференциями* [Пятый канал] (курсив наш. — Т. С.). Ранее ООО «Экоресурс», собираясь устроить еще один *полигон для утилизации ТБО* (твердых бытовых отходов), проще говоря, свалку, назвала ее изящно *хвостохранилище* [Мусорные короли 2012].

Кстати, терминотворчество с целью извлечения выгоды — любимая тактика товаропроизводителей. Новый конкурентоспособный товар создать сложно, в отличие от названия, в том числе несуществующих предметов, таких как *легкие сигареты, лечебная косметика, отрицательная калорийность* (массовый стереотип «ешь — и худеешь»).

Выгода не обязательно будет финансовой. Так, замена термина *военное общежитие* на *общежитие* и соответственно *КПП* — на *проходную* и др. позволяет этот объект включить в реестр приватизации. Сборник тезисов конференции издается под обязывающим названием *коллективная монография*, а любая конференция в России становится *международной*, если в ней зарегистрирован хоть один участник, скажем, из Белоруссии.

Игра в термины становится средством ухода от законодательного преследования, по крайней мере, на какое-то время, пока уловка не распознана и название не попало под законодательный запрет. И эта игра названиями, категориями и дефинициями с использованием дыр в вербальной семиотике закона бесконечна. Так, когда *казино* перенесли в специальные зоны, на их месте появились *стимулирующие лотереи* (те же

казино), а догадливые коммерсанты продавали водку под названием *хлебная добавка «Пшеничная»* на одной полке с кетчупом в то же время и, надо полагать, с теми же акцизами.

Кроме общих, **выделяются специфические интенции коммуникаторов** и функции специальной лексики в дискурсе СМИ, которые обуславливают обоснованность оценки *лукавый термин*.

Самая распространенная цель игры в политические термины со стороны власти — расширение юридически (или этически) санкционированной зоны действия термина в пределах существующей системы ценностей, в том числе и за счет упомянутой эвфемизации. Так, в Китае в г. Гуанчжоу, столице подделок высокотехнологичных товаров, вместо термина *подделка* предписано употреблять слово *копия*.

Добавим: в условиях информационной или гибридной войны один и тот же термин развивает значение эвфемизма-самооправдания для коммуникатора и дисфемизма-обвинения для его оппонента. Например: сирийская *умеренная оппозиция* (США о террористической организации ИГИЛ (запрещена в РФ. — ред.)) — к оппозиции надо прислушиваться; *антитеррористическая операция (АТО)*, *пророссийский сепаратист*, *террорист* (о гражданской войне на востоке Украины). Так коммуникатор в сознании общества расширяет зону санкционированного. А в языковой картине мира, тиражируемой СМИ и унифицирующей сознание аудитории, в террористах оказываются даже грудные дети, т. е. референция остается вне зоны внимания.

Расширение зоны «можно» происходит и за счет терминов, которые получают произвольное, расплывчатое толкование. Так, неопределенность терминов *неприличная форма выражения*, *оскорбление* позволила в 1995 г. бывшему и. о. Генпрокурора РФ А. Ильюшенко возбудить уголовное дело против программы НТВ «Куклы», в которой впервые политическая элита подвергалась публичному осмеянию. Однако общественный протест привел прототипов телегероев в сознание. Премьер В. С. Черномырдин почел за благо появиться на экране в обнимку со своей маской.

Расширяет зону допустимого и замена термина или дефиниции к нему другим термином и другой дефиницией. В частности, подмена термина *бывший супруг* на *бывший член семьи* в Жилищном кодексе сделала бывшими не только разведенных супругов, но и родителей, детей. Это дало возможность применения по отношению к ним ра-

нее запретных процедур, например выселения по решению суда новорожденного ребенка вместе с матерью в случае ее развода с отцом — владельцем жилья.

Замена в европейском лексиконе понятий *муж (отец)* и *жена (мать)* на *супруг 1 (родитель 1)* и *супруг 2 (родитель 2)* фактически и юридически легализовала гомосексуальные семьи и усыновление ими детей. Предложение британского Министерства здравоохранения называть беременных женщин *беременными людьми*, а не *будущими мамами*, «чтобы не обижать трансгендеров» [Россия-24. Вести. 29.01.2017], продолжило легализацию сексуальных девиаций в языковой картине мира, а через нее и в сознании ее носителей. Украина, видимо, в качестве шага к евроинтеграции включила в медицинские документы графу *человек неопределенного пола* [Россия-24. Вести. 22.02.2017].

Замена советского термина *потребительский минимум* идентичным для восприятия *прожиточным минимумом* в начале 1990-х гг. позволила незаметно для общества уменьшить минимальную потребительскую корзину в два раза: новый термин — новое содержание. Несколько позже на базе *прожиточного минимума* появился *прожиточный минимум пенсионера* — еще меньше.

Также расширяет зону «можно» нежелание вводить адекватную номинацию для неприглядного явления по принципу «нет слова — нет проблемы». Явление существует, приобретает угрожающие масштабы, но ненаказуемо, поскольку не отражено в терминологии — вербальном основании для санкций. Скажем, определение термина *коррупция* законодатели вырабатывали с 1991 г. более 15 лет (в 2008 г. принят закон «О противодействии коррупции»). А до того коррупционеров судили за *злоупотребление служебным положением*. СМИ же обо всем информировали общество.

В 2006 г. из избирательных бюллетеней убрали рубрику *Против всех*, мотивировав это тем, что подобное голосование не выражает гражданской позиции. Политолог А. Зудин прокомментировал это так: «Градусник разбили» [Культура. Что делать? 08.10.2006].

Замалчивание, наряду с заменой и введением нового термина или дефиниции к нему, позволяет решать и более масштабные задачи. Самая масштабная — внедрение новой идеологии, нового экономического строя и, соответственно, изменение традиционной системы ценностей. Так, после революции с 1930-х гг. редактировались даже труды основоположника марксизма К. Марк-

са. Экономическое понятие *ценность* ИМЭЛ заменил на *стоимость*, чтобы актуализировать сему трудозатрат на ее получение. В соответствии с этой концепцией были приведены и новые переводы А. Смита, Д. Риккардо, Дж. С. Милля [Гальперин и др. 2003]. Но духовно-нравственные феномены сохранили традиционное наименование *ценность*.

Весь советский период в толковых словарях *капитал* определялся 1) как экономический атрибут капитализма; 2) «Капитал» — труд К. Маркса. В Философском энциклопедическом словаре термина *капитал* не было вовсе [Капитал 1983]. Согласно политической конъюнктуре, из экономических, производственных словарей термин *капитал* по отношению к советскому строю выводился. Так, *основной капитал* был заменен понятием *фонды*, а *оборотный капитал* превратился в *оборотные средства*.

Для отмежевания от старого строя нужна была тотальная смена лексики. И она закономерно произошла в сфере политики и экономических отношений за счет создания новой терминологии, о чем известно каждому по курсу школьной истории (*бедняк, середняк, кулак, продразверстка, военный коммунизм, НЭП, диктатура пролетариата* и др.).

Однако перелицовывали лексикон даже там, где в этом, казалось бы, не было необходимости. Например, в 1918 г. в медицинских дипломах термин *лекарь* был заменен на термин *врач* [Лекарь [http](http://...)]. В 1920-х гг. вместо термина *учитель* появился *шкраб* (и словечко-ответ из школьного жаргона — *шкрабиловка* вместо *учительской*).

Переориентация идеологии наблюдается в современной истории Украины. Замена там после 2014 г. термина *фашизм* на *национализм*, названия *Великая Отечественная война* на *Вторая мировая война*, смена референции почетного звания *Герой Украины*, которое президент В. Ющенко присвоил С. Бандере, по общепринятой до того юридической классификации *нацистскому преступнику*, — свидетельство смены идеологии, крен в сторону фашизма.

В истории постсоветской России таких радикальных изменений не происходит. Но после реформ 1990-х гг. появился термин *добавленная стоимость*. Это не что иное, как избавленная от негативных коннотаций советского времени Марксова *прибавочная стоимость*. А другие случаи трансформации терминологии — свидетельство переоценки истории. Скажем, было предложение заменить в новом школьном учебнике термин *сталинские репрессии* на *сталинский социализм*, *Великая Октябрьская социали-*

стическая революция на *Великая русская революция XX века*, *татаро-монгольское иго* на *система зависимости русских земель от ордынских ханов*.

Однако заменить слово — не значит изменить действительность. Так, несколько лет назад традиционный термин *медицинская помощь* с целью встраивания медицины в рыночную экономику был заменен на *медицинские услуги*, и многие это восприняли как бездумную имплантацию рыночных отношений в медицину, вследствие чего врачевание ставится в один ряд с коммунально-бытовыми услугами, а врач — на одну доску с парикмахером [Закирова 1996]. То же самое касается введения термина *образовательные услуги*. Это элементы новой идеологии *общества потребления*, отношений *производитель — товар / услуга — потребитель*.

Государство без истории, после революций, переворотов нуждается в легитимизации в сознании граждан, завоевании авторитета, в утверждении на мировой арене. В крайних случаях для этого создается и возводится в ранг фактов истории политико-историческая мифология. Частью ее становится безреферентная терминология — историческая пустышка, выдумка. Классикой жанра стали исторические мифы Третьего рейха, такие как само название *Третий рейх*, возводимое к *Священной Римской империи*, или *чистая кровь, арийская раса*. Последний по времени пример — мифические *древние укры*, народ, якобы живший на территории древней Трои и давший название древней *Украине*, которая переводится не как окраина, а как *любимая земля*.

Терминология становится языком расправы с негодными властью. Так, в ленинское время понятие *санаторий* использовалось для обозначения места ссылки некоторых из них. Например, революционный трибунал постановил некую Спиридонову «изолировать в санатории, где ей будет предоставлена возможность заниматься полезным физическим и умственным трудом». В сталинское время им клеили ярлык *враг народа*, а позже ставили диагнозы *вялотекущая шизофрения, паранойяльное развитие личности*. А еще раньше А. Н. Радищева на суде вынудили признать, что он написал «Путешествие из Петербурга в Москву» *по сумасшествию* [Гиндин 2006].

Таким образом, терминология, оказавшаяся частью политического дискурса, нередко становится гибким инструментом искажения и выгодного коммуникатору представления действительности, за что и получает эпитет *лукавая*.

ИСТОЧНИКИ

1. Велехов Л. Россия — рай для чиновников // Совершенно секретно. 2004. 1 сент. № 9 (184). URL.: www.sovsekretno.ru/articles/id/1249/ (дата обращения: 25.01.2017).
2. Есенин С. А. Снова пьют здесь, дерутся и плачут // Москва кабацкая. — Л., 1924. URL.: <http://slova.org.ru/esenin/div5/> (дата обращения: 25.01.2017).
3. Новости. URL: www.mintorg.gov.by (дата обращения: 25.01.2017).
4. Пятый канал. 2016. 2 дек.
5. «Мусорные короли» // Частный корреспондент. 2012. 21 марта. URL: http://www.chaskor.ru/article/musornye_koroli_27325/ (дата обращения: 25.01.2017).
6. Россия-24. Вести. 2017. 29 янв.
7. Россия-24. Вести. 2017. 22 февр.
8. Культура. Что делать? 2006. 8 окт.
9. Капитал // Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983.
10. Лекарь // Большая медицинская энциклопедия. URL: <http://bmz.org/index.php/ЛЕКАРЬ> (дата обращения: 25.01.2017).
11. Закирова С. А. Модель цены медицинских услуг // Здравоохранение Российской Федерации. 1996. № 5. С. 25.
12. Гальперин В. М., Игнатьев С. М., Моргунов В. И. Микроэкономика. — СПб.: Экономическая школа, 2003.
13. Гиндин В. П. Психиатрия: мифы и реальность. 2006. URL: <https://www.litres.ru/valeriy-gindin/psihiatriya-mify-i-realnost/chitat-onlayn/> (дата обращения: 25.01.2017).

ЛИТЕРАТУРА

14. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. С. 88—125.
15. Бессарабова Н. Д. Журналист и слово. — М., 2015.
16. Боллинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. С. 23—43.
17. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. С. 48—55.
18. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2003.
19. Вепрева И. Т., Шадрин Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Урал. ин-та экономики, управления и права. 2006. Вып. 3. С. 120—131.
20. Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестн. Нижегород. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Международные Отношения. 2003. Вып. 1. С. 220—231.

T. I. Surikova
Moscow, Russia

WHY IS THE TERM CONSIDERED EVIL?

ABSTRACT. *The article analyzes the functions of political and economic terminology in mass media used to represent discursive opposition "people-power" as a verbal means of communicators intentions realization. This vocabulary creates the necessary worldview, most beneficial for communicator, but it distorts reality semiotically, for which it receives a metalinguistic evaluation as an "evil term". The area of such evaluation include terms of other areas, if they are involved in the abovementioned opposition.*

As a result of conscious language creation, public terminology reflects not only the reality, but the creator's opinion on the subject. It is not devoid of subjectivity, it is communicative and historically determined and it is full of intentions of the creators.

There are universal goals, which are based on the principle of politeness in communication, and typical opposition "people-power". The latter, in turn, can be realized by both members of the opposition. But in this case the ways of terminology extraction may vary. For example, the government uses the principle of non-disclosure — "no term — no problem," some find gaps in the law.

The second group of intentions is realized by one member of the opposition, most often it is the government actions towards the people. Among them are expansion of the zone of legal/ethical approved within the limits of the existing values system, dissociation from the old and the creation of a new values system, legitimation in the eyes of the people and the international community.

KEYWORDS: *political discourse; mass media; media; language of mass media; media discourse; media texts; terminology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Surikova Tatiana Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Stylistics Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Velekhov L. Rossiya — ray dlya chinovnikov // Sovershenno sekretno. 2004. 1 sent. № 9 (184). URL.: www.sovsekretno.ru/articles/id/1249/ (data obrashcheniya: 25.01.2017).
2. Esenin S. A. Snova p'yut zdes', derutsya i plachut // Moskva kabatskaya. — L., 1924. URL.: <http://slova.org.ru/esenin/div5/> (data obrashcheniya: 25.01.2017).

21. Гронская Н. Э. Язык и политика: коммуникация, дискурс, манипулирование. — Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2005.
22. Гусейнов Г. Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 11. С. 65—69.
23. Деметьев В. В. Русский новояз в свете коммуникативных ценностей // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 24—40.
24. Дешериев Ю. Д. Язык как орудие идеологии и как объект идеологической борьбы // Современная идеологическая борьба и проблемы языка. — М.: Наука, 1984.
25. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо: Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
26. Зекрист Р. И. Идеологически нагруженный язык как орудие власти // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2012. № 35 (289). С. 66—72. (Вып. 28: Философия. Социология. Культурология).
27. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2005.
28. Кейлз. Язык Пентагона — это разновидность новояза // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4 (30). С. 177—180.
29. Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54—58.
30. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995.
31. Левин Ю. И. О семиотике лжи // Материалы симпозиума по вторичным и моделирующим системам. — Тарту, 1974. Вып. 1 (5). С. 245—247.
32. Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. — М.: ВИНТИ, 1974. Вып. 4. С. 108—117.
33. Леонтьев А. А. Язык пропаганды: социально-психологический аспект: обзор // Язык как средство идеологического воздействия: сб. обзоров. — М., 1983. С. 15—33.
34. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокультурный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 4. С. 32—40.
35. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 43—48.
36. Солганик Г. Я. Лексика газеты. — М.: Высшая школа, 1981.
37. Сурикова Т. И. Журналист, аудитория, власть: лингвоэтические аспекты взаимодействия в политическом дискурсе СМИ // Язык СМИ и политика. — М., 2012. С. 199—145.
38. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004.
39. Эпштейн М. Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19—33.

3. Novosti. URL: www.mintorg.gov.by (data obrashcheniya: 25.01.2017).
4. Pyatyy kanal. 2016. 2 dek.
5. «Musornye koroli» // Chastnyy korrespondent. 2012. 21 marta. URL: http://www.chaskor.ru/article/musornye_koroli_27325/ (data obrashcheniya: 25.01.2017).
6. Rossiya-24. Vesti. 2017. 29 yanv.

7. Rossiya-24. Vesti. 2017. 22 fevr.
8. Kul'tura. Chto delat'? 2006. 8 okt.
9. Kapital // Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1983.
10. Lekar' // Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya. URL: <http://bme.org/index.php/LEKAR> (data obrashcheniya: 25.01.2017).
11. Zakirova S. A. Model' tseny meditsinskikh uslug // Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii. 1996. № 5. S. 25.
12. Gal'perin V. M., Ignat'ev S. M., Morgunov V. I. Mikroekonomika. — SPb. : Ekonomicheskaya shkola, 2003.
13. Gindin V. P. Psixiatriya: mify i real'nost'. 2006. URL: <https://www.litres.ru/valeriy-gindin/psixiatriya-mify-i-realnost/chitat-onlayn/> (data obrashcheniya: 25.01.2017).
14. Blakar R. M. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M. : Progress, 1987. C. 88—125.
15. Bessarabova N. D. Zhurnalist i slovo. — M., 2015.
16. Bollindzher D. Istina — problema lingvisticheskaya // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M. : Progress, 1987. C. 23—43.
17. Vaynrikh Kh. Lingvistika lzhi // Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M. : Progress, 1987. C. 48—55.
18. Valgina N. S. Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke. — M. : Logos, 2003.
19. Vepreva I. T., Shadrina T. A. Ideologema i mifologema: interpretatsiya terminov // Nauchnye trudy professorov Ural. in-ta ekonomiki, upravleniya i prava. 2006. Vyp. 3. S. 120—131.
20. Granskaya N. E. Yazykovye mekhanizmy manipulirovaniya massovym politicheskim soznaniem // Vestn. Nizhegor. gos. un-ta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye Otnosheniya. 2003. Vyp. 1. S. 220—231.
21. Granskaya N. E. Yazyk i politika: kommunikatsiya, diskurs, manipulirovanie. — N. Novgorod : Nizhegor. gos. un-t, 2005.
22. Guseynov G. Ch. Lozh' kak sostoyanie soznaniya // Voprosy filosofii. 1989. № 11. S. 65—69.
23. Dement'ev V. V. Russkiy novoyaz v svete kommunikativnykh tsennostey // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 4 (34). S. 24—40.
24. Desheriev Yu. D. Yazyk kak orudie ideologii i kak ob'ekt ideologicheskoy bor'by // Sovremennaya ideologicheskaya bor'ba i problemy yazyka. — M. : Nauka, 1984.
25. Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — M. : CheRo : Izd-vo MGU, 1997. 344 s.
26. Zekrist R. I. Ideologicheski nagruzhenyy yazyk kak orudie vlasti // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2012. № 35 (289). S. 66—72. (Vyp. 28 : Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya).
27. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M. : Eksmo, 2005.
28. Keylz. Yazyk Pentagona — eto raznovidnost' novoyaza // Politicheskaya lingvistika. 2009. Vyp. 4 (30). S. 177—180.
29. Klushina N. I. Teoriya ideologem // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 54—58.
30. Kupina N. A. Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reakt-sii. — Ekaterinburg ; Perm' : Izd-vo Ural. un-ta, 1995.
31. Levin Yu. I. O semiotike lzhi // Materialy simpoziuma po vtorichnym i modeliruyushchim sistemam. — Tartu, 1974. Vyp. 1 (5). S. 245—247.
32. Levin Yu. I. O semiotike iskazheniya istiny // Informatsionnye voprosy semiotiki, lingvistiki i avtomaticheskogo perevoda. — M. : VINITI, 1974. Vyp. 4. S. 108—117.
33. Leont'ev A. A. Yazyk propagandy: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt : obzor // Yazyk kak sredstvo ideologicheskogo vozdeystviya : sb. obzorov. — M., 1983. S. 15—33.
34. Malysheva E. G. Ideologema kak lingvokul'turnyy fenomen: opredelenie i klassifikatsiya // Politicheskaya lingvistika. 2009. Vyp. 4. S. 32—40.
35. Maslova V. A. Politicheskii diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? // Politicheskaya lingvistika. 2008. Vyp. 1 (24). S. 43—48.
36. Solganik G. Ya. Leksika gazety. — M. : Vysshaya shkola, 1981.
37. Surikova T. I. Zhurnalist, auditoriya, vlast': lingvoeticheskie aspekty vzaimodeystviya v politicheskom diskurse SMI // Yazyk SMI i politika. — M., 2012. S. 199—145.
38. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004.
39. Epshteyn M. N. Ideologiya i yazyk. Postroenie modeli i osmyslenie diskursa // Voprosy yazykoznaniya. 1991. № 6. S. 19—33.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. И. Клушина.